

16+

Сергей Савин
Чуть-чуть потерпеть

Сергей Савин
Чуть-чуть потерпеть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51836920

SelfPub; 2020

Аннотация

Когда любимый не вернулся, Надя пошла на страшный обмен.
Жизнь за жизнь, стоит ли оно того?

– А вот эти почём?

– По восемьдесят, дочка, – продавщица мило улыбается. У неё массивные старомодные очки, седой пучок на затылке и морщинки у глаз.

– Давайте.

Разноцветные пластиковые вёдра с цветами стоят на шатких столах. Неровный асфальт местами серый, местами чёрный, впитывает старыми ямами грязную весеннюю воду. А вокруг снуёт праздничный народ: кто в метро, кто обратно. Чёрный как гуталин негр продаёт швейцарские часы по пятьсот рублей, нервно озираясь, чтобы успеть свалить от патруля.

Надя стоит и ждёт, пока тётка с добрым лицом завернёт цветы.

Голые кусты уже не похожи на промёрзшую щетину, на коричневых палках лезут первые почки. В синем небе – первый раз в этом году такое, почти летнее – носятся ошалевшие от неожиданности птицы.

– Мама, мама, смотли! Тётя с цветочками! Тётя, с пладзником! – девочка в розовой курточке смотрит на Надю большими голубыми глазами.

– Не тыкай в тётенку пальчиком, Машенька! Сегодня праздник, сегодня у всех тётенек цветочки! Вы уж извините...

Надя не дослушивает, забирает сдачу у продавщицы, резко разворачивается и идёт по лестнице вниз, в привычный

гул поездов. Здесь всё как всегда, но ароматная атмосфера праздника и первого по-настоящему тёплого весеннего дня в этом году, просачивается и сюда. Профессионально мрачные тётки в красных шапках также взмахивают круглыми жезлами отъезжающим поездам, но чувствуется в этих взмахах лёгкая кокетливость. Полицейские патрули шагают чётко и иногда даже в ногу, их собаки ловят носами воздух с поверхности и очень ждут команды «гулять».

Надя прёт вперёд как танк по вспаханному полю. Тяжёлое тёмное пальто она даже и не думает расстёгивать: ехать недалеко.

Под потолком болтаются упущенные кем-то шарики, а навстречу радостной припрыжкой пролетают школьники с цветами, деловым шагом торопятся женщины с шальными улыбками на губах, бодро бегут мужчины средних лет с загадочными взглядами и объёмными позвякивающими пакетами.

Надя заходит в вагон как ледокол в поле торосов. Она закрывает собой свёрток из коричневой бумаги – там цветы, и раздражённо косится на соседей по вагону.

Вагон тематический: кругом яркие картинки и поздравления, Надя мрачно хмурится. Ей хочется надеть наушники, но те в кармане, а руки заняты букетом и сумкой.

– Присаживайтесь! – высокий парень поднимается с места и делает приглашающий жест. – Вам тяжело, наверное...

– Нормально, – Надя окатывает доброхота ледяным взгля-

дом, но предложение принимает. Сумка, и правда, успела порядком оттянуть руки. Почему-то иногда самые простые вещи весят больше, чем должны бы.

Парень выходит на следующей, а Надя отгораживается от всех сумкой на коленях и прикрывает глаза. Набухшие веки тянет вниз: последние дни удаётся спать только в метро, дома слишком тихо, даже работающий телевизор не помогает. Ломятся в дверь соседи и полиция, приходится снижать громкость, и тогда тишина затапливает мозг, и приходят воспоминания.

Надя вздрагивает и садится прямо. Чувствует: уснёт, проедет остановку; а потом не сможет заставить себя вернуться и выйти, где нужно.

Двери в очередной раз открываются-закрываются. Большая пересадка, тут всегда куча народу. Толпа перемешивается, красные цветы плывут навстречу розовым шарикам, дети взвизгивают от смеха. Каждый мужчина норовит показать себя джентльменом, все принаряженные и очень вежливые. Кое от кого уже пахнет коньяком, но сегодня можно, праздник же!

Напротив плюхается полный краснолицый человек. По его физиономии гуляет радостная улыбка, а на футболке мультяшные пони скачут по радуге. Он достаёт из рюкзака пакетик с апельсиновым соком и салютует им словно это фужер «Вдовы Клико».

– Ваше здоровье! За прекрасных дам!

– Отвали, debil, – Надя говорит это так, что фужер превращается обратно в сок и незаметно перекочёвывает обратно в рюкзак. Улыбка напротив тает, толстяк бормочет «извините», но Наде не до него.

Она не заметила, как место справа заняли.

А он сидит там. Саша. Смотрит прямо перед собой, хотя теперь сложно понять, куда он смотрит.

Она хочет отвести взгляд, и не может – глаза вмёрзли в орбиты.

Звуки пропали.

Она думала, что так бывает только в тишине и темноте, когда орущий телевизор как щит света против сил тьмы.

Медленно, рывками, как испорченный механизм, любимый начинает поворачивать голову.

Надя смотрит не отрываясь. Она помнит, что было в тот единственный раз, когда она попробовала отвернуться. Пальцы левой руки нервно пробегают по свежему шраму на запястье.

Стылые мёртвые бельма смотрят в упор, под левым – аккуратная дырочка в синеватой коже.

– Отпусти, – каждое слово даётся ему с трудом. Каждый звук выталкивает из дырочки чёрно-красный сгусток. – Надя, отпусти. Прошу. Так нельзя. Неправильно.

Надя молчит. Им нельзя отвечать, если не хочешь уйти с ними. Её предупреждали, но всё равно, почему так тяжело на сердце? Почему так хочется обнять и плакать на его груди?

Над моргом кружились крупные снежинки. Они падали на щёки и всё никак не хотели таять.

Год назад, Надя стояла у обшарпанных дверей и всё ждала чуда. Что вот сейчас она проснётся от хлопка двери, и Саша затопает в прихожей, стараясь не разбудить. Она будет лежать тихо-тихо, ждать, когда он войдёт и ляжет рядом, обнимет, такой большой и тёплый как ласковый кот. Муж. Погладит по голове, зароется носом в волосы, и она успокоится, и всё будет хорошо.

До следующего приказа.

Она всегда ненавидела его командировки, но что поде-лаешь. Он очень серьёзно воспринимал это «никто, кроме нас». Надя оставалась одна и ждала; каждый раз как в первый; никак не привыкнуть.

– Ну что ты, не злись, – басил Саша в ответ на слёзы. – Я вернусь. Оглянуться не успеешь. Потерпи чуть-чуть.

Однажды он не вернулся.

Наде позвонили ночью: надо было ехать в морг куда-то за город, в военный госпиталь. Всё было как в стылom замедленном кошмаре. Кругом серый туман, и некуда деться. Надя слушала бубнёж людей в погонах и белых халатах, подписывала бумаги, договаривалась об участке на кладбище, обговаривала поминальное меню и обзванивала родственников.

Проклятый сон всё тянулся и тянулся. Даже укусы снежи-

нок на щеках никак не могли разбудить. Дикий, фантастический факт стучался в сознание как оживший мертвец ночью в дом родни: ей двадцать пять и уже вдова.

От бессонницы и дикой несправедливости происходящего, Надю покачивало. Поэтому, когда её дёрнули за рукав, она обернулась не сразу. Худая как ветка, высохшая, но не опавшая, старуха в ярком платке под хохлому и потёртом сером пальто, пристально смотрела в глаза.

– Вы что-то хотели? – надина рука привычно дёрнулась к сумочке за деньгами: наверное, этой тоже надо дать.

– Не я. Ты хочешь, – голос старухи шелестел как пыльные страницы старого фолианта.

Наверное, очередная попрошайка. Хоть бы мылась иногда, что ли.

– Вы обознались. От вас мне ничего не нужно, – сухо отстранилась Надя. Она попыталась уйти и не смогла. Просто забыла, как ходить. Холодные ясные глаза старухи с лёгкой иронией наблюдали за её потугами.

– Ты терпеть могла всё связанное с его работой: его берцы, его зелёный рюкзак с кучей липучек, но больше всего – запах после командировок. Порох и ещё что-то, металлическое.

– Откуда вы?.. – опешила Надя.

Старуха приложила палец к губам и строго покачала головой.

– Не перебивай, дочка. Я могу научить, что надо сделать, чтобы он вернулся. Быстро не получится, но за год справим-

ся, – кашель согнул старуху пополам. Она достала заляпан-
ный платок и принялась кашлять в него. Продолжила только
через пару минут.

– Дело это непростое, поэтому и плата тяжкая: на год ты
моя. Согласна?

Надя равнодушно кивнула. Какая разница. Впереди был
ещё один эпизод фантазмагорического сна – возвращение в
опустевшую квартиру к сашиным вещам и фотографиям.

– Вот и хорошо, вот и хорошо, – старуха сухо улыбно-
лась. – Вот адрес, приходи завтра как стемнеет. И не бойся,
всё будет хорошо, надо только чуть-чуть потерпеть.

«Нет», – молчит Надя. «Не могу. Саша, милый, потерпи
ещё немного, пожалуйста. Я всё сделаю, я знаю как, только
потерпи. Я же терплю. Почти год уже, скоро это кончится,
совсем скоро».

На секунду ей кажется, что Саша вот-вот моргнёт.

Надя трясёт головой. Морок уходит. Всё, как говорит Ни-
китишна. Чем ближе к главному ритуалу, тем чаще он бу-
дет приходить. Те больше будет непохож на себя. Значит, и
в остальном бабка права. Значит, всё идёт правильно.

Надя вытирает глаза тыльной стороной ладони.

Соберись, скоро выходить.

Вдоль длинной кирпичной стены кладбища Надя идёт
быстрым шагом: до сумерек надо успеть подготовить ритуал.

В сумке трепещет жертвенный голубь и ритуальный нож позвякивает о чашу. Шею оттягивает амулет. В руках четыре розы в коричневой бумаге.

Осталось совсем немного.

Надя легко минует ворота, местные стражи – как люди, так и нет – давно её знают, примелькалась. Потом немного пройти по аллее, и она на месте.

Некроманты очень не любят умирать. Они умеют вытягивать чужую молодость, но процесс это небыстрый, а если нет согласия жертвы, надолго такой жизни не хватит. Месяц, два и ищи кого-то ещё.

Тело Никитишны давно отслужило. Старуха отчаянно цеплялась за существование, месяцами разыскивая подходящую девушку. С Надей ей повезло, и упускать такой шанс было нельзя, потому и решилась старая колдунья предложить: жизнь за жизнь.

Весь год она пила надины силы, пока готовила к ритуалу. У девушки прибавилось морщин; по утрам ломило поясницу и колени; ломкие полуседые волосы пришлось остричь, а болящие уши повязать платком; из-за озноба она почти не снимала самое тёплое пальто. Зато Никитишна молодела на глазах. Перестала кривиться, начала улыбаться во весь рот, полный зубов.

Год обучения стал и годом платы. Сегодня после ритуала Никитишна объявит о свершении сделки, и это будет озна-

чать, что Надя выпита до дна. Но ещё это будет означать, что Саша вернулся.

Из-за страшных видений, несколько месяцев Надя почти не спала, но когда удавалось заснуть, она чувствовала, как проваливается в те дни, когда по утрам её обнимал сзади большой и тёплый как ласковый кот. Муж.

– Саша, с праздником. Скоро свидимся, – Надя сидит на скамейке у могилы, сумка в ногах, а на плите стакан с коркой хлеба. Скоро зайдёт солнце.

Надя достаёт бутылку, делает большой глоток, и еле успевает спрятать обратно. Приступ кашля сгибает пополам и заставляет лезть за платком. Осталось совсем немного. Чуть-чуть потерпеть.

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии ССО.